

**Юлия
РАДОШКЕВИЧ***г. Новосибирск***ДВА
КРЫЛА***рассказ*

1

Женя лежала на кровати, уставившись в потолок, и рассматривала купол люстры. Повернуться ни вправо, ни влево она не могла. Инсульт внезапно сковал тело, затуманил разум и лишил всего, что она с трудом выгрызала у жизни: факультетской семьи (другой у неё не было), многочисленных студентов (целой толпы, которая заменила ей нерожденных детей), любимой работы на кафедре и даже хобби — футбола.

Если смотреть снизу, то люстра похожа на футбольный мяч, но его при всём желании не достать, — это будто насмешка над обездвиженной Женей. Инсульт стал решающим голом судьбы в её ворота, который она пропустила и, выходит, проиграла свой финальный матч. А ведь раньше Жене казалось, что она ведёт с крупным счётом...

Её жизнь не была лёгкой. Ширококостная, плечистая девчонка из томской глубинки... Все дороги её вели к мирной жизни домохозяйки с большим скотным двором и толпой ребятишек. Но она выбрала другое. То ли дед, ярый болельщик местной «Томи», сбил её с намеченной траектории, то ли мамина подруга тётя Ира — журналистка, которая летом приезжала погостить в деревню и заполняла кухню их дома запахом кофе и раскатистым смехом, сопровождающим её бесчисленные истории по работе...

Допоздна засиживаясь с близкими на кухне, Женя впитывала рассказы гости, болтая ногами с высокого табурета, а когда мама спохватывалась и гнала не ко времени бодрствующую дочь спать, та, притаившись в своей кровати, вслушивалась в доносившиеся с кухни голоса, пытаясь составить в голове канву очередной истории — про семью, которая растила двенадцать детей, про учителя года, который позволял детям самим выбирать тему урока, про детского педиатра, вечерами собирающего у себя в гараже легендарную «Волгу» с оленем на капоте...

«Вот жизнь! Сколько всего можно узнать, сколько мест посмотреть!» — восхищалась Женя. Ничего интересного в жизни её мамы, домохозяйки и одиночки, она не видела.

Больше встреч с тётей Ирой девочка ждала только поездки на футбол. В первый раз на матч Женя попала случайно: мать уехала на базар, бабушка — к сестре, а девочку оставили

на деда; тот возьми да и вспомни про футбол. Пришлось на матч вместе с зелёным шарфом болельщика брать с собой внучку. Та обещала слушаться и крепко держать его за руку, чтобы не потеряться. Он поверил.

Огромные колонны у входа на стадион потрясли пятилетнюю Женю, и толпы... толпы людей!.. В основном мужчин — энергичных, с шарфами типа того, что у деда, и кулками семечек. Перед матчем на футбольное поле вывели белого коня, как из сказки, — символ клуба. Он потом не раз придёт Жене во снах.

— Деда! Дед, — потянула за рукав Женя. — А это кто в клетке с сеточкой?

— А! Это? Это вратарь, он ловит мячи и спасает команду от поражения. Его ворота будут атаковать другие игроки, а он будет ловить мячи. У нас отличный вратарь! Сама увидишь. — Дед довольно погладил бороду.

Мужчина в воротах разминался, прокручивая мощные плечевые суставы. Потом, растопырив огромные руки, словно птица, семенящим шагом пробежал вдоль створки ворот. Женя наблюдала за этим необычным «танцем» вратаря, затаив дыхание.

А потом понеслось! Она мало понимала, что происходит на поле. Её не интересовали комбинации атакующих и защитников; она ждала, когда человек-птица защитит свою клетку от мяча.

И вот дед как-то весь подсобрался, вытянув шею в сторону ворот. Волнение цепной реакцией охватило всю трибуну болельщиков. У Жени по телу пробежали мурашки: на клетку человека-птицы нёсся человек-вихрь с мячом.

Удар. Женино сердце сжалось. И только после того как человек-птица победно поднял в руках мяч, чтобы пнуть его подальше от ворот, она успокоилась и крепкой хваткой поймала мечту — стать вратарем... человеком-птицей!

— ...Придумала тоже, — мама месила тесто, светлая прядка выбилась из-под платка. — Какой футбол, дед? Ну зачем голову морочишь девочке?

Тот отмалчивался в уголке.

— Ну, мам!.. Мне мячик нужен, купи, а!.. Купи, когда в следующий раз на базар поедешь... Пожа-алуйста... — ныла Женька.

— А кто будет огород полоть? А матери помо-

гать по хозяйству? Это вон пацаны могут бегать... А ты мне тут нужна, да и кто девочку возьмет играть?

У Жени на глаза навернулись слёзы, выскочив из-за стола, она бросилась вон из кухни.

— Ну зачем же так, Свет? — пытался заступиться дед. — А может, девочке и вправду понравилось?

Женщина только фыркнула в ответ и сильнее стала вколачивать ком теста в тазик.

Больше с мамой о футболе Женя не разговаривала. Стук мяча и громкие крики играющих пацанов вызывали в ней жгучую зависть. Но подойти к ним она не решалась: слишком громко звучал в Жениной голове голос мамы.

Однажды после нехитрых рассуждений о своей женской доле Женя достала тяжелые ножницы из маминой швейной коробки и обкромсала себе волосы под мальчишку. Спрятав новую причёску под кепкой деда, она уверенно направилась к пацанам.

Те подвоха не заметили и с удовольствием погоняли мяч с Жекой — удивлялись только: чего он так рвётся на ворота.

Женя была счастлива. Пусть на пару часов она стала человеком-птицей! Запыхавшаяся, грязная, она прибежала домой, немного опоздав к маминому приходу.

Та была вне себя:

— Такие косы обрезала! Срочно в парикмахерскую! Дурная... ой, дурная девка, зачем ты это сделала?

И Женя призналась, что играла с мальчишками в футбол. После этого мать взвилась ещё больше:

— Всё дед твой! Голову морочит! Ой, дурная ты голова! Что за напасть! Чтобы о футболе я больше не слышала, поняла меня?

Козырёк Женькиной кепки тихонько вздрагивал в знак согласия, скрывая слёзы обиды.

— Иди умойся и перестань шмыгать носом! Ой, дурная... Такие косы загубила, — продолжила причитать мать.

Женька тёрла лицо студёной водой. Она будет!.. Будет играть! Не сейчас, так потом. Она человек-птица, маме это сложно понять. Разве важно, кто будет птицей — мальчик или девочка? Если она может летать, значит, она птица. А

Женька умеет, она пробовала. И косы поменяла на крылья! Как Русалочка — та, правда, голос — на ноги. Конечно, Жене нравились косы. А от этих крыльев пока одни неприятности, но она верила: найдет способ стать человеком-птицей.

Из ванны Женька вышла спокойной и безропотно протопала в огород, где с остервенением прополола весь лук, чеснок и клубнику.

— ...Свет, ну ты глянь, у девчонки и правда талант! — Тётя Ира дымила сигаретой, вчитываясь в строчки, написанные на вырванном из школьной тетради листке.

— А по мне, так тетради только переводит... — равнодушно отвечала мать.

— Да ты слушай: «Вратарь Сергеев, будто птица, взлетел за мячом и не дал «Рубину» ни единого шанса». Она чувствует слово, ритм, динамику. «Ещё один удар — и рубиновцы полностью капитулировали...» Держит читателя.

— Ну, допустим, — мама отхлебнула чаю. — Ну вот если на журналистику в университет поступать, то надо в город ехать. Кто её повезет на вступительные экзамены? У меня коровы, курицы. На кого их оставить?

— Так я и свожу! — отозвалась тётя Ира. — Работы летом у меня не так много. Пусть попробует. Я вижу, как у нее глаза горят.

— Ну, не знаю... — замялась мама.

Женька подслушивала разговор за стенкой и в этот момент не выдержала — выскочила на кухню в одной сорочке в ромашку:

— Мамочка! Мамочка, ну пожалуйста, дай попробовать! Отпусти меня с тётей Ирой.

Мама нахмурилась, в кухне повисла тишина.

— Ладно, егоза! — уголки губ её приподнялись в улыбке. — Но старших подслушивать нехорошо, марш в кровать! — и шутливо хлопнула дочь полотенцем ниже поясицы. Когда та ушла, мать вздохнула: — Ох, Ирка, не знаю, правильно ли я поступаю...

— Девчонка толковая, прорвётся. С её-то мозгами! Не дрейфь, — успокоила подруга без тени сомнений.

Женя медленно спускалась с крыльца здания, в котором располагался факультет журналистики. Ступеньки прыгали перед глазами. Тётя Ира с сигаретой стояла рядом со скамейкой, увидев

дочь подруги, она затушила бычок о край урны:

— Ну? Сдала?

Женька подняла на неё счастливые глаза: всё было понятно без слов.

— Да ты ж моя умница! — тётя Ира расцвела улыбкой. — Говорила же матери твоей, что толковая девка. У нас как раз ещё сорок минут до автобуса, заскочим за «Прагой» в кондитерку и — домой мамку обрадовать!

2

Спустя несколько месяцев Женя-первокурсница торжественно внесла в маленькую комнату общежития картонную коробку.

Сияя, она перерезала ленточку:

— Ну что? Я говорила, что получится!

Сокурсница Даша, выщипывающая брови, сидя на своей кровати, отложила щипчики и зеркало:

— Серьёзно? Ну ты сумасшедшая!

— Ха, неужели вратарём? — Спрыгнула со второго яруса кровати Машка.

Женя зарделась:

— Пока не знаю. Сказали, что ходить на тренировки можно. А мне что? Больше и не надо. — Она поставила торт на стол и открыла коробку.

— С ума сойти, «Прага»!!! Женька, совсем сдурила! Полстипендии, наверно, отдала за этот торт? — Маша уже учуяла заманчивый запах.

— Ерунда, угощайтесь. По такому событию можно.

Женя аккуратно разрежала торт на кусочки, разложила на блюдечки. Первую ложку съела с закрытыми глазами, пытаясь уловить тот же вкус триумфа, который был у её первой «Праги», купленной тётей Ирой по случаю поступления в университет. Да, это был именно тот вкус! Журналистика и футбол — о чём ещё можно мечтать? Теперь у Женьки было два крыла.

3

Женя блестяще окончила университет. Её пригласили преподавать на кафедру, заводили речь об аспирантуре. Футбол по-прежнему отнимал много времени. Играла она увлеченно, с азартом.

Всё рухнуло, когда Женька получила травму

колена и не смогла выступить за команду преподавателей. Прыгать, как раньше, было невозможно. Упёртая Женя пыталась продолжить тренировки, но чувство полёта безвозвратно покинуло её. В воротах она уже не парила птицей, а стояла деревянным истуканом. Нет, она не может подставлять команду с этим большим коленом, и Женя приняла решение уйти.

Освободалось много свободного времени. «Пора братья за диссертацию», — решила Женька.

В один из дней она поехала в деревню навесить мать.

— ...А семья? А внуки? — взмолилась мама, когда за чаем услышала новость о Женькином решении вплотную заняться научной работой. — Зачем тебе эта ученая степень? Только футбол бросила, — мать умела бить по больному.

— Мам, так надо, — сухо сказала дочь в надежде прекратить разговор.

— Жень, ну что ты такая! Чего молчишь? И куда делся этот твой... как его? Егор!

— Забудь это имя, — с нажимом ответила Женя. — И... спасибо за чай. — Кружка звякнула о стол. — Мне пора, на автобус опоздаю.

Мать не дрогнула, даже не попыталась её остановить. Женя, едва сдерживая слёзы, прихрамывая, почти побежала в сторону остановки. В голове крутилось одно слово: «Бесплодна... бесплодна... бесплодна».

4

Что случилось на последнем курсе. Она не хотела делать аборт, но и ребёнка не хотела. По крайней мере, когда диплом на носу, а в голове то и дело появляются мысли об аспирантуре.

Женьке столько нужно было успеть! Так много идей для будущих статей крутилось в её голове! Научрук только довольно кивал, радуясь энтузиазму студентки: «При таком подходе, Евгения, далеко пойдёте... Далеко. Вы, кстати, заявили на университетскую конференцию? Поторопитесь, неделя осталась».

И тут вдруг возникла необходимость сходить на приём к гинекологу. От него Женя слышала: «Беременность, шесть недель». И оцепенела. С Егором они встречались, но ничего серьёзного не планировали — рано ещё. Узнав о беремен-

ности, Женя позвонила ему, договорились пересечься в студенческом кафе.

С опухшими от слёз глазами она сидела перед ним за столиком и теребила в руках носовой платок, пытаясь выдавить из себя новость: слова не шли.

Егор как ни в чем не бывало пошел за второй порцией картофельного пюре с котлетой. Пояснил:

— Извини, отлучусь за добавкой. После тренировки голодный как волк.

Егор был бомбардиром во втором составе «Томи» и подавал большие надежды. На футболе они с Женькой и познакомились.

Он вернулся с тарелкой к ней за стол. Ел жадно, быстро — от одного этого вида Женю мутило.

— Тренька огонь получилась! Михалыч говорит, что немного над ударом поработать — и выйду в первый состав... — совсем не улавливая настроение Жени, с набитым ртом сказал Егор.

Та молчала.

— А ты чего хотела-то? Зачем просила сегодня встретиться? — не прекращая работать челюстями, пробубнил он.

Ком подкатил у Женьки к горлу, нужно было решиться:

— Егор, я беременна, — выпалила и с волнением сглотнула.

Челюсти Егора остановились, на лице появилась детская беспомощность, а сам сжался — как будто стал меньше в размерах.

Женя, видя его реакцию, резко встала и пошла на выход.

Егор, как прибившийся щенок, плёлся сзади, не решаясь придержать девушку за локоть. Так дошли до ближайшего сквера с облупленной скамейкой в кустах. Девушка села.

— Жень... Я это... деньгами помогу, — краснея, мямлил Егор, тоже присев не краешек. — Понимаешь, ребёнок... Дело такое... А мне в первый состав надо...

— Ну и вали, — сказала как отрезала Женька.

— Чего? — Егор не понял.

— Вали, я сказала, отсюда! Понял? Вали. Не надо мне ничего от тебя.

— Ну, Жень... — почти ныл Егор.

— Скройся, — прошипела Женя.

Егор встал и, потоптавшись возле скамьи, неуверенно пошел прочь. А Женя, оставив-

шись в землю, скороговоркой отрешенно повторяла: «Скройся, скройся, скройся...» Выйдя из этого транса, она побрела в общагу.

На следующий день сходила в поликлинику и получила направление на аборт.

Через несколько дней всё случилось... Во время процедуры открылось кровотечение, Женю едва откачали. «Вернули с того света», — повторяли врачи, пытаясь загладить свою оплошность: не каждая девушка в двадцать два года лишается матки.

5

Их факультетский корпус находился в здании, где прежде была типография, туда Женька — Евгения Анатольевна спешила каждый день и засиживалась там до самого вечера. Преподавание стало для нее воздухом, заменило всю жизнь. Женя любила работать в кабинете, который ей выделили, прерывалась лишь на чашку растворимого кофе. Не пропускала она ни одной научной конференции, нянчилась с каждым своим студентом.

С тех пор как Егор стал играть в первом составе, Женя бросила ходить на матчи, но следила за новостями клуба по телевизору и газетам. Те сухие заметки было не сравнить с яркими дедовыми описаниями матчей!..

Увы, поговорить с дедом уже не было возможности: умер. А чуть раньше не стало бабушки. Вспоминая деда, Женя всегда горевала. «Он прожил достойную жизнь», — успокаивала себя, с еще большим рвением погружаясь в работу.

А потом внезапно у мамы случился удар. Несколько дней Женя провела в больнице у ее койки, несмотря на шикающих медсестер и недовольных санитарок. Но ни они, ни врачи не смогли сотворить чудо. Бог тихо прибрал и Женину маму.

После её смерти Женя с трудом возвращалась к привычным делам. Хотелось то бросить всё и вернуться в деревню, то нырнуть поглубже в работу.

Второе пересилило. Потеряв родных, Женя особенно трепетно стала относиться к студентам, вытягивала безнадежных, брала их под свое крыло, уговаривала серьезнее относиться к учебе.

Она готовила студентов к конференциям, хлопотала об оплате командировок для них. И те, счастливые, вырывались то в Москву, то в Санкт-Петербург и возвращались довольные не столько своим выступлением, сколько самой поездкой, а заодно возможностью вырваться из тесных общежитских комнат. Женя тоже искренне радовалась за них.

Временно эти студенты были её детьми, и она приглядывала за ними, заботилась, отдавая им всю себя. Если б можно было, Женя работала бы до последнего вздоха... Но судьба распорядилась иначе.

6

Разбитая инсультом, она в одиночестве лежала в своей малосемейной квартире. Раз в неделю к ней, еле ковыляя, приходила та самая тётя Ира и помогала с готовкой. Женя при ней часто притворялась спящей: она стыдилась своей беспомощности.

Спустя месяцы, когда Женя наконец научилась вставать без чужой помощи с кровати, к ней изредка стали забегать коллеги с кафедры, студенты. Ради таких гостей Женя, как могла, приводила себя в порядок: расчесывала поредевшие волосы, переодевалась в новую ночную рубашку, накидывала поверх нее поношенный полосатый халат.

Телевизор, который раньше был источником сведений для научных работ, стал для Жени почти другом — тем, что из балаболов: говорит только про себя, а потому слушать можно вполуха, не вникая в смысл слов.

Время тянулось медленно. В один из дней Женя достала эспандер и стала пытаться разрабатывать левую руку. Получалось плохо, эспандер падал, она нагибалась, чтобы поднять его. И вот в очередной раз, когда она полезла под кровать, куда тот упал, в дверь позвонили. Женя знала: у тётки Иры и социального работника есть свои ключи. Значит, без предварительного звонка к ней пришли либо коллеги, либо студенты.

Неловко накинув на сорочку полосатый халат, Женя побрела открывать, придерживаясь за стенку. Посмотрела в глазок: на пороге две студентки. Одна — красотка Ангелина — уже подрабатывала на местном телеканале, хотя и

картавила. А вторая — серьезная, вдумчивая Маша — всё больше пропадала в библиотеке и занималась наукой — писала статьи, делала кое-какие исследования. В общем, эта Маша напоминала Жене её саму.

Замок с трудом поддался. Дверь открылась.

— Евгения Анатольевна! — первой заговорила Ангелина. — А мы к вам! Здравствуйте. Можно?

Женя кивнула, поспешно пытаясь запахнуть халат и завязать кушак потуже. Маша кинулась помогать ей.

Ангелина щebetала, направляясь в кухонный закуток.

— А мы тортик принесли! Стояли, думали, какой купить... Выбрали «Прагу». Ведь ваш любимый?..

Женя молча кивнула. Маша взяла хлипкий электрочайник, набрала воды.

— А у вас картина красивая! — обратила внимание на висящую картину над столом Ангелина.

— Да, это символ «Томи». Белый конь. Мой дедушка был фанатом, — с трудом выговорила Женя и опустилась на стул.

— Вы отдыхайте, — отозвалась чуткая Маша. — Торт ведь будете?

— Буду. «Прага» — мой любимый, — прошелестела Женя.

— Евгения Анатольевна! А мы же к вам с новостью! Зная о вашей любви к футболу, мы... — Ангелина торжественно выдержала паузу.

И тут продолжила Маша:

— Мы организовали кубок журналистов по футболу имени Евгении Бойтик!

Ангелина обиженно поджала губы: подруга не дала ей самой объявить такую новость.

Женя растерянно переводила взгляд с одной девушки на другую.

— Соревноваться будут коллективы городских редакций и телеканалов за небольшой взнос, — рассказывала Ангелина с воодушевлением. — А все вырученные деньги могут пойти на вашу реабилитацию! Без вас факультет совсем не тот.

— Возвращайтесь скорее! — прошептала Маша.

Внутри у Жени потеплело, ей даже стало жарко:

— Спасибо, девочки. Как хорошо... — только и смогла произнести она.

Блюдец, на которое Маша едва успела положить кусочек «Праги» для любимой преподавательницы, вдруг со звоном ударилось о пол: Женя случайно задела его локтем. И вдруг сама она повалилась на старый линолеум.

— Евгения Анатольевна, Евгения Анатольевна! Что с вами? — девушки забегали вокруг неё.

Полы полосатого халата распахнулись, показав желтые ромашки на сорочке. Сердце Жени аритмией отбило победный такт и остановилось.

Душа её парила под куполом люстры. Два крыла снова были с ней: футбол и журналистика. Посмертно.

□

Юлия РАДОШКЕВИЧ —

журналист по образованию.

Работает менеджером проектов

в благотворительной организации.

Пишет рассказы.

Лауреат конкурса «Северная звезда» в номинации

«Проза» (2023).

В журнале «Север» публикуется впервые.

